

Слава стала блудной девой

Отметив 70-летие выходом новой книги "Детство Иисуса" и юбилейной выставкой в Музее Льва Толстого, Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ улетел из промозглой Москвы в жаркий родной Таджикистан. У Тимура Касимовича издано свыше 20 книг, специалисты даже исследуют его "экзотический-наркотический" слог. А за "Земные и небесные странствия поэта" он получил английскую премию "Коллетс", как за "Лучший роман Европы-93".

— Тимур Касимович, 70 лет — это много или мало?

— Поэты не живут долго. Поэт — это страсть, любовь, безумие, пенные вина, застолья. Поэт — это вечная дружба и дуэль с молодой смертью. Когда он доживает до таких кислых седых лет, как я, значит, или он слабый, или не настоящий поэт.

Впрочем, тех, кто переходит в стадо мудрецов, седобородых, медленных, молчаливых, Господь держит на земле дольше. Видимо я, почувствовав это, перелез через такую ограду и попал в сей стан. Хотя мой предшественник, Борис Леонидович Пастернак, с которым я имел честь и счастье быть знакомым, тоже дожил до 70 лет. И думаю, если бы не травля, его божественный голос звучал бы в перделкинских аллеях.

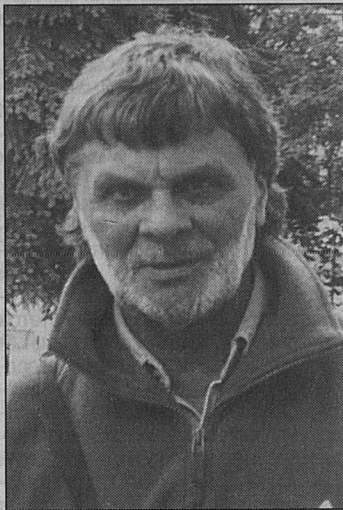
— Как родилась идея "Детства Иисуса"?

— Меня благословил афонский монах. Я много читал Евангелие, апокрифы и вдруг понял, что ничего не написал, но какой-то неведомый голос сказал: "Ничего не используй, что было". И тогда мне стало гораздо легче, потому что я совершенно заблудился в оставленном другими.

Я описал всего несколько дней из жизни Спасителя, когда Ему было 9, 16 и 30 лет. Две тысячи лет человечество всматривается в те далекие пыльные, священные дни, когда этот мальчик, отрок, дитя еще был более Человеком, чем Богом, хотя, конечно, божественная суть была определена Его Рождением, Его Явлением, и вся вселенская святость плескалась в Нем изначально. Ощущая в себе ее, Он обращался к Святому Иосифу, говоря, что годы нужны человеку, чтобы он прозрел, а если ребенку все уже дано, зачем дальнейшая жизнь, в чем ее смысл? Не зря сказано: "Кто не умалится до дитя, не войдет в Царствие Небесное". Потому так интересен человек в детстве и в исходе — в старости. Но рассуждать об этой вещи не буду, мне хотелось бы, чтобы она стала для читателя откровением. И многие из тех, кто прочитал ее, сразу почувствовали это. Первое издание, состоявшееся благодаря молодому бизнесмену из Новосибирска Закиру Умарову, получилось дорогостоящим и пока вышло лишь 500 экземпляров. Но мне мечтается, чтобы Церковь издала эту книгу на простой бумаге и по доступной цене.

— Из вашего окна видны и православная церковь, и мечеть, и синагога...

— В одной из притч я написал, что всю жизнь простоял у врат церкви, где стоят нищие. На самом же деле

Т. Зулфикаров

сладость и трагедия писателя в том, что он до последней минуты бродит со своими героями по разным храмам. Ему интересна всякая душа и всякий путь к Богу. Как советует Ходжа Насреддин: "Утро жизни проводи с огненным хмельным мусульманином, день жизни — с хитроумным перемчивым иудеем, вечер жизни томителен с блаженным послушливым христианином, ночь жизни с необъятным вселенским бессмертным звездным буддистом". Я говорю прежде всего, конечно, о себе. Религия моей матери — православие, отца — ислам, и мне, вероятно, ближе эти, как теперь говорят, конфессии. Но меня также влекут и манят иудаизм, конфуцианство, брахманизм, язычество. Например, когда я писал поэму "Дервish и мумия царицы Хатшепсут", то погрузился в глубины Древнего Египта, в его дух, жертвенные подвиги, загадки пирамид, доарамейские преданья, в вечное загробное царство.

— Почему сегодняшние религии так незначительно сказываются на всяком рода конфликтах?

— Миром, вернее, войнами движут не религии, а страсти. Обиды, самолюбие, жажда власти, богатство — вот корень зла. А религии нацелены на преодоление розни и исповедуют добро и любовь. По какой религии, ответьте, Америка бомбит Ирак или Афганистан или бомбила Японию? Когда американский летчик бросал на Хиросиму атомную бомбу, он воскликнул: "О святая Мадонна! Что мы делаем?" В экстремальной ситуации человек всегда призывает своего Бога, что отнюдь не означает, что в его действиях виновна религия. От имени Христа — самой кроткой, смиренной фигуры мировой истории, который муравья не мог тронуть, шли чудовищно кровавые крестовые походы. Так и под видом ислама взрывают, убивают. Слава богу, мы живы, в каких-то отдельных местах неспокойно, но в целом — поглядите на весь наш гигантский мир: ему вовсе не плохо, он вполне себе доволен и прекрасно нежится под солнцем. К великому сожалению, наш народ находится в тяжелейшем положении и тихо и безмолвно погибает. За тысячу лет русской истории

Россия сейчас опустилась к самой нижней точке.

— Что дает вам основание для такого утверждения?

— Посмотрите на тех, кто управляет социумом, владеет капиталами. Нелепо, чтобы один человек имел 20 миллиардов долларов, а на всю российскую культуру отпущалось полмиллиарда. Значит, данный господин имеет в своих карманах сорок культур России. Соплатитесь — это слишком. Весы богатства повсюду наклонены, но не столь чудовищным образом.

— Бродский как-то сказал, что поэзия уходит из мира. Вы замечаете это?

— Этого быть не может. Разве может уйти очарование осени, красота зимы или ускользающий взгляд женщины? У меня есть притча о том, что когда Господь лепил человека, Он пел песни и читал стихи, и поэтому в самой плоти и душе человека звучат музыка и поэзия. Другое дело какие — это, конечно, не рок-н-ролл и не модернистские описи. Если жившему до нашей эры Катуллу вы покажете стихи Ахматовой, он поймет. Но он ничего не разберет, взяв в руки новомодный модернистский сборник, агрессивный и разрушительный.

— Михаил Ардов, знакомый с Анной Андреевной, активно высказывается, что искусство имеет бесовское начало, что оно от лукавого, подарено нам дьяволом. Вы как считаете?

— Это древняя проблема. И с точки зрения канонических религий это искушение, потому что искусство, культура кормятся от греха. Как сказал Гоголь, русская поэзия вышла из храма (в свет), и первым, кто встретил ее на балу, был Пушкин. И конечно, в каком-то смысле относительно религиозного канона литература, живопись — это крамола. Но человек не может все время пребывать в монашеской строгости, есть светская жизнь, земная. Она полна красот, искушений, мимо которых пройти трудно. И без великого искусства, пронизанного в том числе и религиозными чувствами, душа человека обнищает, станет суше.

— Ваша "Коралловая Эфа" вызвала большие споры...

— Да, в этом сочинении, за которое я получил национальную премию "Лучшая книга года в прозе", очень скандальный сюжет. Оно и эротическое, и социальное, так как посвящено памяти великой разрушенной страны нашей — Советского Союза. Там выдающийся ученый Аминадав Калонтавов, наполовину бухарский еврей, наполовину русский, проходит через все соблазны этого мира. Все заканчивается гибелью и просветлением великого грешника, он увидел загробную дорогу к Богу.

— "Земные и небесные странствия поэта" — не простое чтение, но нашли широкий отклик и даже выдвигались на Нобелевскую премию...

— У меня есть произведения угрюмые и одинокие, как Эверест, куда

влезает 20 — 30 читателей, и больше и не надо. Потому что Эвересту не пристало быть закиданным банками, туристическим снаряжением и флажками победителей. В странствиях я рисовал тысячелетнюю российскую историю от князя Владимира Свято-славича до тирана Сталина в образе женщины по имени Анастасия. Настроение было упадническим, мне представлялось, что Русь уходит в небесный путь вслед за Христом. Но делать такие пророчества непозволительно человеку, это право богопосланников.

— Безвестность страшна для писателя?

— Страшно, когда писатель перестает сострадать людям. А известность? Я — представитель катакомбной культуры и привык жить в катакомбах и подвалах, потому что был страстным борцом с советской империей. Мои произведения — это зашифрованная борьба с тотальным режимом, хотя они выходили в советское время тиражами в 100, 300 тысяч экземпляров. Ныне же, в эпоху компьютеров и мобильной мировой связи, сиротливо появляется одна книжка двухтысячным тиражом и лежит в каком-нибудь единственном московском магазине, потому что такой мизерный тираж в другие города не посылается. И мои читатели решили, что я сломался, пребываю в кризисе и ничего не пишу. У нас в стране, несмотря на изобилие книжного рынка, по моим наблюдениям, нет издателя, который бы по-настоящему занимался литературой. С другой стороны "Божественная комедия" была переписана в трех-четыре экземплярах, Саади и того меньше. Так чего же мне роптать?

— А что такое подлинная литература?

— Та, в которой есть золотой песок вечности, о чем тоскует все мировое искусство. Как пустыня, представляющая необъятную тоску песка по крупинкам золота. Это то, что прочтут наши внуки, правнуки. Конечно, к Борхесу, Маркесу, Фолкнеру, Шолохову, Пастернаку господа Слава пришла при жизни. Теперь же она стала блудной девой, и ее покупают за деньги. Но не настоящую, настоящая за деньги не ходит. Она любит ходить за гробом. Слава — солнце мертвых.

— Где вы находите отдохновение?

— В литературе. Я фанатик: копаюсь, рыщу в своей библиотеке, забредаю в свои одинокие книги — туда, где когда-то витала моя душа, и нахожу в этих пространствах отдохновение. Слово должно убаюкивать, умиротворять, очаровывать. Берешь в руки новеллы Бунина — какая красота неслетная. Поддерживает и великий дух дружеских застолий, хмельных бесед, встреч с новыми людьми. Господь посылает мне неравнодушных собеседников, ценителей красоты, идеалистов — тех, на ком, как на древних черепахах, стоит моя вера в поэзию жизни.

Беседу вел
Настасия ЛАВРЕНТЬЕВА